Ты далеко. Ты где-то на Ямале

ТЫ ДАЛЕКО. ТЫ ГДЕ-ТО на Ямале.
Где пахнет снег грядущею весной.
Где в инее, как в ледяном опале,
Застыл плаун, живущий под сосной.

Мне снился дым и горькая морошка.
И крики соек в парке Юрибей.
Ты говорил: «Присядем на дорожку!».
Ты говорил: «Забудь и не жалей».
Ты пил вино. Захлебывался скукой.
И обещал вернуться в феврале.
А я, терзаясь будущей разлукой,
Десертной ложкой мучила желе.

Мне снилась рыба озера Яротто.
В шаманских юртах ужин и ночлег.
Я видела обряд. И странный кто-то
Тебе вручил из кожи оберег.

Наполнив чаем жестяную кружку,
Смолистый след стираешь с рукава.
Кидаешь в кружку маковую сушку,
И вяло вспоминается Москва.

Ты далеко. Ты где-то на Ямале.
Где мачты сосен, паруса ветров.
Плаун и ты — сверкаете в опале.
Прости и пой. И знаешь, будь здоров!

Гумвойска

Если руки сложа, наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил с подлецом, палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чем.

В. Высоцкий

ЗАПАХ горелых шин. «Слушай, не мельтеши!
Женщину в дальний путь?!.. Брать опасно!»
Колонна ржавых машин в жаркой степной
глуши.
До смерти один аршин. А я с атласной
Лентой. Куда глупей...?! Крики «живей-живей!
В ящиках всё проверь: бинты, лекарства!»
Звоны мёртвых церквей. Дует в лицо суховей.
Отдай матерям сыновей — а я полцарства
Отдам за букет цветов из бабушкиных садов,
Господи! Я-то вернусь... близка граница!
Но стонет степная Русь, полная новых вдов.
Руки истёрты в кровь. Жара — под тридцать.

Скрип тяжёлых сапог. «Возьмите с собой
пирог!»
Местные крестят вслед. Грохочет кузов.
Здесь каждый отдаст кусок. Затянет
на ране платок.
Но слабость стучит в висок — попутным грузом.
Сегодня не взяли в путь. Войны закипает ртуть.
Ленту стащу с волос — пропахла дымом.
Попробуй теперь уснуть, попробуй теперь забудь
Сгоревшую свидину... над чёрным тыном.

Саур-Могила

МНЕ в страшном сне присниться не могли
Забрызганные кровью терриконы.
Предсмертный хрип украинской земли,
Фашизму — реверансы и поклоны.

Мне нравилось носиться босиком,
Иргой и клюквой наполнять стаканы.
Из огорода дедова тайком
Таскать клубнику, вишню и тюльпаны.

Сегодня под ногами лишь стекло.
В осколке каждом как в калейдоскопе
Оплаканное детство и тепло,
Погрязшее под танком и в окопе.

Любимые мужчины на войну
Отправились: кто с фирмы, кто с завода.
Сожгите заживо заразу и чуму!
Храни Вас Бог, Удача и природа.

Саур-Могила станет вам щитом.
Донецкий кряж, храни моих любимых!
Закрой их честью, правдой и крылом,
От одержимых родственников мнимых!

Проклятие

КРОВЬ НА АСФАЛЬТЕ — присыпали песком.
Игрушки детские — в канаву. Сверху гравий.
На плащанице рваных фотографий,
Проложенных лилейным лепестком,
Ещё живые дети Украины.
Велосипеды, куклы, шалаши,
Поделки разноцветные из глины,
Смотри в глаза! Замри и не дыши.
Смотри в глаза оплёванным иконам.
Смотри в глаза убитых матерей.
А по ночам, прислушивайся к стонам,
Что станут повторяться у дверей!

Посвящение харьковскому бойцу

1
Рыжая, она никогда не плачет

РЫЖАЯ, ОНА никогда не плачет!
Тебе не любовница, зато и не плечевая.
У Архангела Гавриила[1] назначат
Рукопашный.
Пойдешь? Ну... за удачу!
Корона упала с треском.
К нам привыкай. Смертным.
Ты мальчик с заметным блеском.
/Запретным/
Крылья у птиц — шевроном.
Я запомню тебя драконом.
У Зеркальной Струи[2] — нет края.
До встречи, Девятого мая.
Рыжая, она никогда не плачет!
У рыжей — своя корона.
Прошляпил мужицкое счастье...
Ворона!

2
Рагнарок[3]

КАК ДУМАЕШЬ, мы победим?
Твой бог вероятно Один?!
— Наш Бог — един!
— Коль тебя в Валгаллу[4],
Я стану Валькирией!
Меня рисовали, как Галу,
А теперь, хотят в ирей[5]!
У меня, кукушки[6], ключи.

---

[1] Имеется в виду бронзовый ангел при церкви Архангела Гавриила в городе Харькове — место любовных встреч и различных «стрелок». *(Примеч. авт.)*

[2] Зеркальная струя — самый известный памятник, посвященный Победе в городе Харькове. *(Примеч. авт.)*

[3] Рагнарок — в германо-скандинавской мифологии гибель всего мира, вслед за решающей битвой богов. *(Примеч. авт.)*

[4] Валгалла — подземный мир для воинов в скандинавской мифологии. *(Примеч. авт.)*

[5] Ирий (ирей) — сказочная страна/рай в славянской мифологии. *(Примеч. авт.)*

[6] Кукушка первая прилетала в ирей, так как по поверью у нее были от него ключи. Последним — аист. *(Примеч. авт.)*

Перевернут фитиль свечи[1]!
Кто-то в церкви поставил
Во злобе.
Знаю — уже в утробе,
Общий сын — богатырь.
Слышишь? Плачет ковыль,
Повенчанный с кровохлебкой?!
Робко,
Аистом обернись — прошу!
Без тебя не дышу.
Нас с тобой разлучают.
Собаки воют и лают,
Будто бы к мертвецу!..
— Рыжая, не к лицу
Тебе верить в приметы.
Вы поэты — сороки!
— Мы еще и пророки...
А в Валгалле живут птицы-беркуты!
Горы круты!
— Рыжая, уходи!
На часах — шесть утра. Без пяти.
Чувствую, близко враг.
Желаю тебе всех благ.
Коль свезет, то родишь мне сына.
Что застыла?!
Прячу нож на груди.
— Рыжая, не поможет!
Как ты со смертью... схожа!
В глазах — красота безумия,
Каплями полнолуния,
Слезы стекают на лезвие...
— Рыжая, мы — железные!
Выстоим, выживем, выжжем!
Я обещаю.
Киев тебе посвящаю.
Его красоту и стать.
За Киев иду воевать.
Не для нас... Рагнарок!
Прогоним нечисть!
Рыжая, дай мне срок!
И плечи...

3

СТРАСТЬ НА ВОЙНЕ — кимвальный звон[2],
Завянет, словно красная гвоздика.
И в новый путь отправится Ясон.
Доспеет ночь. Нальётся ежевика...
Ещё страшнее делают войну
Два города — два разных одеяла.
Ты не буди походную жену,
Которая вчера... не устояла.

Пророчество для юной разбойницы

ТЫ ВСЕ ЖДАЛА летучих кораблей.
И белокрылых, дымчатых Пегасов.
Любила сок цветочный — из стеблей.
И седовласых, старых Карабасов.

Но из тебя не вышла бы Ассоль.
Офелия, Кримхильда, Маргарита.
Не каждый рыцарь подберет пароль,
К твоей душе из лучшего гранита.

В твоем буфете — крепкий партагас.
Хемингуэй, кинжал, бутылка рома.
То ли оставил проклятый Пегас,
То ли подарок дедушки старпома.

В твоей квартире раскурил кальян,
Ручной, косматый демон из Тамани.
Он каждый раз, когда немного пьян,
Летит к тебе — из млечной глухомани.

Ты каждому распахиваешь двери.
Даешь подушку и печешь пирог.
На кухне, в подкидного бьются звери:
Олень, змея, лисица и сурок.

А где-то далеко, глотая соль морей,
Заботой обделив гетер, менад и гурий.
К тебе спешит пират — властитель якорей.
С глазами карими, как смоляной Меркурий!

Динка[3]

Я ГОТОВЛЮ одну яичницу,
И ту — без лука!
А ты любишь во мне отличницу,
Какая скука!
Не лучше ли дикой, не лучше ли Динкой,
Стоять у стенки, содрав коленки?!
Лохматой, босою!
Зато простою!

---

[1] Свеча с перевернутым фитилём — обряд на наведение порчи или разлучение пары. Но в том и в другом случае — с расчетом на смерть. *(Примеч. авт.)*

[2] Кимвальный звон — имеется в виду, целиком выражение «кимвальный звон». Звонкое, но пустое и бессмысленное. *(Примеч. авт.)*

[3] Аллюзия на Динку — персонаж В. Осеевой. *(Примеч. авт.)*

Смотреть с утеса, на волны Волги.
Спиною считать иголки
Тугого ельника!
А позже, глазурь Сочельника,
Слизать с печенья.
Нравоучения,
Выслушать и сбежать!
В тихом ли омуте,
В классной ли комнате,
Веселиться на твердую «пять»!

Полночное «Latte»

СЛОЖУ я самолетик из салфетки.
Звенит варган полночного кафе.
Мои глаза, как у ручной нимфетки.
Твои глаза — ковбоя «подшофе».
Ты твердишь про янки и Америку!
Бредишь ароматным коньяком.
А мою любовную истерику
Называешь «бабским пустяком»!
«Ты не веришь? Буду диссидентом!
Отыщу свой райский уголок!»
Бродского цитируя с акцентом,
Трогаешь случайно мой чулок.
Мы грустим, мы — персонажи Гоцци.
Слабо заштрихованный dell'arte.
В Аризоне — добывают стронций.
А в Чикаго — карточный азарт.
Эльдорадо в планах, Атлантида.
Как же наш заветный Китеж-град?
«Будем вместе, рыжая Киприда[1],
Ниагарский слушать водопад!»
Коль забудешь — скатертью дорога!
Выпью карамельное «Latte».
Стану я, нимфетка-недотрога,
Поэтессой с глупым декольте.

---

[1] Киприда — одно из имен Афродиты. *(Примеч. авт.)*